

Иван Великий — эпизод 1 из 3

Ранней весной, накануне света и тепла, бывают в природе печальные дни, они грустнее, чем осеннее время. Темная земля бывает уже обнажена для солнца, но солнце еще бессильно согреть ее сквозь серый холодный покров облаков, и земля прозябает в унылом терпении. В эти дни кажется, что весна и лето еще будут не скоро и до них не доживешь.

В такой именно скучный день над пустым весенним полем шел артиллерийский бой. Наша пехота безмолвно таилась в траншеях, отрытых еще немцами, когда они занимали этот рубеж.

Обычно враги обстреливают из пушек свои оставленные рубежи, понимая, что мы можем поселить своих солдат в траншеях, отрытых прежде немцами. Но мы, понимая немцев, обычно не расселяем свои войска в траншеях, оставленных противником. А когда немцы, проведав об этом, перестали обстреливать оставленные траншеи, считая их пустыми, мы начинали иногда пользоваться ими.

Командир роты старший лейтенант Юхов наблюдал из-за укрытия работу огня. Темная, безродная в это время года земля вскрикивающим, не своим голосом отзывалась на ревущие удары пушек. Никого не было сейчас на земле меж нами и противником. Только редкая прошлогодняя былинка, уже окоченевшая в смерть, еще подрагивала от сотрясения воздуха, однако она была уже не жилища на свете. Но одно странное существо спокойно брело по той пустой, никем сейчас не обитаемой земле. Юхов всмотрелся в отдаление. По земле тихо шла маленькая серая русская лошадь. Над нею неслись пронзающие воздух воюющие снаряды, и огонь разрывов блистал справа и слева от нее, а лошадь шла понемногу вперед по этому коридору войны. Старший лейтенант взял бинокль и подробно разгляделдвигающуюся лошадь. Глаза ее были полузакрыты в утомленной дремоте, плечи и холка потерты, и круп иссечен в полосы высохшей черной крови. Брюхо лошади впало внутрь от голода и работы, всосанное оставшимся тощим телом вместо еды, и весь скелет лошади словно уже прорастал наружу сквозь ее пораненную тягостной работой, истертую упряжью, изрубцованную кожу. Уставшее предсмертной мукой животное брело меж пушек, бьющих встречным огнем поверх ее изнемогшего тела.

Один немецкий снаряд разорвался меж нашей передовой линией и одинокой лошадью. Лошадь припала на передние ноги и осталась на месте, готовая умереть.

К старшему лейтенанту Юхову подошел по ходу сообщения старшина Иван

Гурьевич Петров.

Скоро на дело пойдем, товарищ старший лейтенант? спросил старшина Петров.

Жду сигнала, старшина, сказал командир. Как у тебя люди?

Люди живут нормально, товарищ старший лейтенант... Это что же там немцы нашу лошадь замучили в обозном тягле, а теперь помирать ее бросили?

Стало быть, так, старшина, ответил Юхов. Она ослабла, и немцы отпрягли ее при отступлении, а бывает, что и отпрягать некогда, тогда рубят построшки, лошадь падает, и ее затапывают. Видал такое?

Все видал, товарищ старший лейтенант, на войне живу, произнес старшина. Жалко скотину.

Пушечная стрельба стала замирать, но привычные к пальбе офицер и солдат уже и прежде не вслушивались в работу артиллерии и внимательно наблюдали за лошадью.

Сигнала к выступлению пехоты все еще не было, и Юхов решил, что наша артиллерия стреляла, может быть, для отвлечения противника, а немецкая только отвечала ей, сам же наступательный бой назначен нашим командованием в другом месте.

Серая русская лошадь, припав на передние ноги, по-прежнему неподвижно находилась на промежуточном пустом пространстве. Но и задние ноги ее уже начали слабеть и тоже медленно сгибались, пока вся лошадь не прилегла к материнской поверхности земли. Голову свою лошадь покорно положила на передние согбенные ноги и смежила глаза.

День теперь ободнялся, стало светлее, чем было, и многие красноармейцы роты Юхова наблюдали из окопов за умирающей лошадью. Старые солдаты понимали, что особо остерегаться немцев тут нечего: у немцев здесь был только артиллерийский заслон да жидкая пехота из старых возрастов тут были те немецкие солдаты, которые уже оплакали своих погибших сыновей, а теперь сами пришли на место их и скучают по оставленным внукам. Но любой немец, пока он не убит, он живет всегда обиженным, что весь свет еще не принадлежит ему и все добро мира он еще не снес в одно место, к себе во двор. Красноармейцы давно знали это природное свойство немцев жить лишь им одним на земле, убивая всех прочих людей, и потому красноармейцы были с неприятелем всегда осмотрительны.

И теперь они тоже лишь осторожно и изредка поглядывали на погибающую лошадь, хотя и крестьянское сердце болело по умирающей кормилице-работнице. Да и на войне лошадь тоже находится при деле, ей тоже есть тут своя обязанность: где ни одна машина не пройдет, там конь проберется рядом с солдатом. А когда скучно и трудно солдату, он поглядит в добрую морду лошади, скажет ей: И ты со мной терпишь? Давай вместе до

победы, и тогда легче станет солдату.

Еще не вовсе старая скотина! сказал боец Никита Вяхирев соседу, Ивану Владыко. От нее еще польза должна быть.

Пожилая только, ответил Иван Владыко, наблюдая изнемогающую лошадь. Работать бы сполна можно на ней, если тело ей дать и ласку добавить, у лошадей сердце большое, они всё чувствуют.

Ефрейтор Прохоров полагал, однако, иначе:

Нету, с этой скотиной делать боле нечего с ней забота не окупится. Если уж немцы ее бросили и шкуру с нее не содрали в пользу хозяйства, значит, уж загнали скотину до самых жил и жилы в ней посохли.

Беда с немцами, сказал усатый красноармеец Свиридов, доброволец с начала войны. Ишь как скотину работой вымолотили, аж ость костей из нее наружу выпирают. Им что лошадь же наша, русская...

Им все нипочем, сказал Иван Владыко. Землю порвали огнем, обгадили сквозь, молочных и стельных коров под нож и на закуску поели, пахотных тягловых коней по всем дорогам замертво положили.